

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМ

Ч.А. Джумалиев

Предпринята попытка дифференцировать общие и частные свойства и черты крайних форм проявления нетерпимости, вражды на основе религиозной, национальной принадлежности, экстремистских проявлений в контексте обеспечения безопасности стран Центральной Азии.

Ключевые слова: проблема экстремизма; исламский фактор; столкновение интересов, жесткие методы; физическое устранение; реальная угроза.

В последнее десятилетие в связи с ростом значимости проблемы экстремизма в контексте обеспечения региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии необычайно важно глубокое научное познание его сущности, причин и способов борьбы с ним. С конца 1990-х г. в научной литературе постсоветского пространства внимание к проблематике экстремизма заметно усилилось, что было обусловлено двумя главными взаимосвязанными факторами.

Во-первых, события 1999–2000-х гг. в Баткенской области Кыргызской Республики, г. Ташкенте, на территории Ферганской долины и Сурхандарьинской области Узбекистана, связанные с деятельностью радикальных исламских группировок, избравших террор в качестве основного средства достижения своих идеологических и политических

целей, стали во многом неожиданными для экспортного сообщества.

Во-вторых, межэтнический конфликт 10 июня 2010 г. в южном регионе Кыргызской Республики, когда понятия экстремизм, терроризм, религиозный фундаментализм, национальная рознь не были четко разграничены.

В-третьих, события в г. Москве, на Манежной площади 11 декабря 2010 г., когда под видом гражданского несогласия за смерть футбольного болельщика Егора Смирнова на улицы вышли тысячи демонстрантов, а леворадикальные экстремистские группы спровоцировали избиение лиц неславянской внешности в окрестностях площади и станции метро.

Первые два события наглядно продемонстрировали, с одной стороны, фактическую несостоя-

тельность ряда выводов относительно роли влияния исламского фактора на общественно-политическую ситуацию в странах Центральноазиатского региона (ЦАР), прогнозы о низкой степени вероятности распространения радикальной идеологии, выступающей под религиозными лозунгами. Одновременно, были оправданы утверждения о том, что в перспективе именно экстремистские организации, выступающие от имени ислама, будут представлять реальную угрозу стабильности государствам Центральной Азии. В результате данных событий возникла объективная настоятельная необходимость для исламоведов, экспертов по безопасности и т.д. скорректировать прежние взгляды и попытаться по-новому определить степень данной угрозы в контексте обеспечения региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии.

Одновременно понимание проблемы распространения радикальной идеологии, осознание потенциала исходящей от нее реальной угрозы безопасности стран региона обусловили активный поиск определения данного явления, выработки конкретных практических рекомендаций для государственных органов, специальных служб в решении угрозы экстремизма в ряде стран Центральной Азии. Решение указанной проблемы невозможно без глубокого анализа понятийного аппарата, разграничения экстремизма от иных крайних форм приверженности к традициям, нетерпимости внутри социума с учетом религиозной, национальной, расовой принадлежности, возрождению основ только определенной религии, в частности ислама, знания эволюционных процессов распространения экстремизма в регионе. Следует отметить, что экстремистские проявления в ЦАР переживают на данный момент качественно новый по своему содержанию этап развития. Новые тенденции обусловлены как влиянием внешних факторов, так и выходом из латентного состояния внутренних.

Таким образом, попытка проанализировать, разграничить, указать на общие и принципиально разные свойства и черты крайних форм проявления нетерпимости, вражды на основе религиозной, национальной принадлежности обусловлена, с одной стороны, усилением угрозы экстремизма, проявившейся в резкой активизации в последние годы деятельности различных его субъектов, качественного расширения ареала их деятельности, а с другой – объективной настоятельной необходимостью поиска эффективных методов нейтрализации любых экстремистских проявлений в контексте обеспечения безопасности стран Центральной Азии.

Для понимания сущности экстремизма ключевым вопросом, по мнению специалистов, является

анализ конкретных социальных и культурно-исторических условий, в которых формируются и реализуются задатки экстремизма как идеологии и как типа поведения [2]. Экстремизм является закономерной реакцией определенных социальных групп на ситуацию их отчуждения от традиционных существенных форм социального бытия, возникающую в моменты реформ, революций и кризисов. Правда и то, что эта реакция является неадекватной и малоэффективной для действительного преодоления сложившейся ситуации отчуждения данной социальной группы.

Пытаясь понятийно определить экстремизм, мы, прежде всего, сталкиваемся с проблемой его логической дифференциации от таких явлений, как радикализм, фундаментализм, фанатизм, терроризм, поскольку их четкого разграничения мы не сможем выявить сущность и понятийно обозначить их.

В самом распространенном и общем понимании термин “экстремизм”, следуя дословному переводу (от лат. *extremus* – крайний), можно определить как “приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила”. Несмотря на мнимую четкость и очевидную простоту содержания определения экстремизма, в экспертной среде по-разному понимается данное явление. При этом важно отметить, что отсутствие единообразной позиции в определении экстремизма характерно практически для всего мирового экспертного сообщества и острые дискуссии о корректности диагностирования данного феномена возникают повсеместно и постоянно.

Анализ генезиса экстремизма приводит нас к достаточно простому выводу о том, что в основе появления данного феномена лежит естественное столкновение интересов и противоречий политического, экономического, социального, этнического, конфессионального характера.

Противоречие национальных, корпоративных и других интересов, практическая невозможность их гармонизации, принципиальным образом обуславливает неэффективность и нереальность нахождения единого определения данных терминов. Основным фактором, напрямую препятствующим единому подходу к определению экстремизма, а также прочих близких терминов, прежде всего, терроризма, является, на наш взгляд, политизированность оценки экстремизма со стороны различных стран, государственных институтов, отдельных экспертов. Каждая сторона в определении данного феномена исходит из собственного видения ситуации, своих интересов и безопасности. То, что для одной стороны может быть проявлением экстремиз-

ма, для другой не станет представлять особой опасности или даже будет отвечать ее интересам.

В связи с этим, учитывая невозможность нахождения единого, общепринятого определения, можно предложить следующее авторское определение: экстремизм есть крайнее проявление идей, действий, взглядов, направленных на радикальное изменение существующих общепринятых политических, социальных, идеологических основ государства и общества, и тем самым создающих реальную угрозу обеспечению прав, интересов и безопасности личности, общества и государства.

Прежде всего необходимо отметить, что, несмотря на значительный в последнее время количественный и отчасти качественный рост исследований, посвященных предметному анализу экстремизма, терминологическая путаница сохраняется повсеместно. Наиболее часто встречающаяся терминологическая путаница происходит между экстремизмом и терроризмом. С одной стороны, действительно, важнейшая роль в достижении собственных целей экстремистами отведена террористической деятельности. Термины “экстремизм” и “терроризм” всегда были более употребимы для характеристики таких действий, которые имели деструктивную антигосударственную, антиобщественную и античеловеческую направленность.

Различие между экстремизмом и терроризмом, по нашему мнению, наиболее четко определил российский эксперт Г. Мирский: “Экстремизм и терроризм – явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если видно, что всякий террорист – это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист – террорист. Разумеется, экстремизм как определенное умонастроение логически ведет к оправданию террора, но вовсе не обязательно доходит до этой точки” [3]. В целом терроризм произрастает из экстремизма и по существу является частью экстремизма, так как из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвижение ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление государственным органам и т.д.). Он включает в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей, допускающие как физическое устранение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийства рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов и т.д.

Среди определенных, в той или иной степени отражающих крайние проявления человеческой деятельности, мировоззрений, наиболее близкое, на наш взгляд, понятие к экстремизму – радикализм. Российский исследователь Д. Ольшанский

определяет радикализм (от латинского *radix* – корень) как “социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное (“радикальное”, “коренное”) изменение существующих социальных и политических институтов” [4]. В содержательном, концептуальном плане экстремизм и радикализм выступают как близкие, практически, тождественные друг другу явления. Для двух этих явлений характерна крайность позиций, действий в отстаивании и достижении поставленных задач и целей. Но и между ними существует определенная разница. Как утверждает Д. Ольшанский, “в отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных (“корневых”, крайних, хотя и не обязательно “экстремальных”) идеях и во вторую очередь на методах их реализации. Радикализм может быть исключительно “идейным”, а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным” [4].

Экстремизм, безусловно, относится к деструктивному радикализму. Однако и внутри деструктивного радикализма мы бы выделили две разновидности, в зависимости от характера идеологии, которая лежит в его основе и определяет направленность и способ социальной деятельности деструктивных радикалов. Первая разновидность основана на фанатической идеологии, которая представляет собой иллюзорную и утопическую программу социального преобразования. Вторая разновидность радикализма основана на идеологии фундаментализма.

Фундаментализм в широком смысле слова – это мировоззренческая система, которая выступает за сохранение традиционных основ общественно-политических порядков, против их коренных изменений. Суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, остановив процесс прогрессивных изменений. Именно эту разновидность деструктивного радикализма, основанного на идеологии фундаментализма, как нам кажется, адекватно определяет термин “экстремизм”. Действительно, фундаментализм и экстремизм взаимосвязаны. Экстремизм можно рассматривать как следствие и развитие фундаментализма. В своих крайних формах фундаментализм трансформируется в экстремизм. В этом смысле, к примеру, религиозный экстремизм – это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами.

Для того чтобы уяснить сущность экстремизма, необходимо также четко отличить его и от фанатизма, с которым его нередко отождествляют. Главное различие мы видим в целях и мотивации этих форм деструктивной социальной практики. Фанатизм имеет ярко выраженную нетрадиционную, утопическую идеологическую программу и нацелен на радикальное преобразование существующего общества в соответствии с этой программой. Экстремизм, напротив, нацелен не на изменение существующего общества, а на сохранение его и представляет собой агрессивную защитную реакцию на угрозу радикального изменения существующего социального порядка. Его идеологической основой выступает обычно традиционная идеология, которая принимает радикальную форму. По сути, и фанатизм, и экстремизм – различные способы реакции социальных субъектов на экстремальные социальные ситуации. Они могут переходить один в другой и, взаимодействуя, выступать вместе.

По характеру или способам реализации своих целей фанатизм и экстремизм сходны, так как их участники склонны к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных актов, то есть к террористическим методам. Именно это сходство, нередко, ведет к смешению фанатизма и экстремизма, а также к смешению их с терроризмом. Чтобы избежать этого мы должны указать на то, что понятие “экстремизм” характеризует специфический, чрезвычайный тип или способ социального действия и включает в себя такие моменты, как цель, идеология, мотивация действия, средства и способы действия. Понятие же “терроризм” характеризует лишь один из видов или способов социального действия и гораздо уже по своему логическому смыслу. Хотя, терроризм, безусловно, входит в арсенал действий экстремизма и даже занимает в этом арсенале весьма заметное место, лишь терроризмом не исчерпывается арсенал экстремизма как типа социальной практики.

По социальному смыслу экстремизм есть защитная агрессия, направленная против радикальных изменений существующего социального порядка. Экстремизм по существу есть борьба поставленных в критическую ситуацию социальных групп чрезвычайными средствами и способами за сохранение своего физического существования и культурной идентичности. Но важно подчеркнуть, что это борьба деструктивная и иллюзорная, которая не разрешает, а лишь усугубляет критическое положение данной социальной группы.

Возникая как импульсивная, спонтанная реакция социальных групп, поставленных в экстремальные условия, на эти условия, как форма

сопротивления этим условиям и борьбы с ними экстремизм институтируется. Элементы этого института – экстремистская идеология, экстремистская деятельность, экстремистские организации.

Национализм как политическое движение стремится к защите интересов национальной общности в отношениях с государственной властью. В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, территории её проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Эта идеология стремится к объединению различных слоёв общества, невзирая на противоположные классовые интересы. Она оказалась способной обеспечить мобилизацию населения ради общих политических целей в период перехода к капиталистической экономике.

В силу того что многие современные радикальные движения подчёркивают свою националистическую окраску, национализм часто ассоциируется с этнической [5], культурной и религиозной нетерпимостью. Такая нетерпимость осуждается сторонниками умеренных течений в национализме.

Крайние формы национализма нередко ассоциируются с экстремизмом и ведут к острым внутренним или межгосударственным конфликтам. Стремление выделить нацию, проживающую внутри страны, национализм приводит государство к сепаратизму. Радикальный государственный национализм является ключевой составляющей фашизма и нацизма. Многие этнические националисты разделяют идеи национального превосходства и национальной исключительности.

Литература

1. *Островский А.А., Джумалиев Ч.А.* Обеспечение региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // Правовые вопросы обеспечения государственной безопасности: сб. науч. стат. преподавателей и адъюнктов / А.А. Островский, Ч.А. Джумалиев; МГЮА. 2010. Вып. 19. № 348972-Н. С. 45.
2. *Терехова Е.В., Джумалиев Ч.А.* Социокультурные особенности менталитета на постсоветском пространстве / Е.В. Терехова, Ч.А. Джумалиев // Правовые вопросы обеспечения государственной безопасности: сб. науч. стат. преподавателей и адъюнктов; МГЮА. 2009. Вып. 17. № 328293-Н. С. 114.
3. *Мирский Г.* Экстремизм, терроризм и внутренние конфликты в “третьем мире” / Г. Мирский

К.А. Исаева

- // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 1988. № 8. С. 68.
4. *Ольшанский Д.* Психология террора. Екатеринбург. Деловая Книга / Д. Ольшанский. М.: Академ. проект, ОППЛ. 2002. С. 215.
5. *Терехова Е.В., Джумалиев Ч.А.* Этническая идентификация в Центральноазиатском регионе / Е.В. Терехова, Ч.А. Джумалиев // *Правовые вопр. обеспечения гос. безопасности: сб. науч. стат. преподавателей и адъюнктов*; МГЮА. 2009. Вып. 17. № 328293-Н. С. 114.